

Мингазова Н. Г.

СИНОНИМИЯ В АНГЛИЙСКОЙ И АРАБСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/2-3/68.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2012. № 2 (9): в 3-х ч. Ч. III. С. 159-162. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/2-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

1. Колесникова И. Л., Долгина О. А. Англо-русский терминологический справочник по методике преподавания иностранных языков. - СПб.: Изд-во «Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ»; Cambridge University Press, 2001. – 224 с.
2. Колкер Я. М., Устинова Е. С., Еналиева Т. М. Обучение восприятию на слух английской речи: Практикум. - М.: Издательский центр «Академия», 2002. – 336 с.
3. Соловова Н. В. Организация и контроль самостоятельной работы студентов: Метод. рекомендации. - Самара: «Универс-групп», 2006. – 13 с.

СИНОНИМИЯ В АНГЛИЙСКОЙ И АРАБСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА

Мингазова Н. Г.

Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет

Каждая цивилизация, социальная система характеризуется своим особым способом восприятия мира. Картина мира включает не только наиболее общие и потенциально универсальные для всех культур понятия, но и все вообще представления об окружающей действительности. Более того, картина мира существует в сознании человека и в глубинных слоях его психики, скрытых от самонаблюдения, то есть области подсознательного, бессознательного. В одном аспекте своих рассуждений Б. Уорф сосредоточил внимание на том, что носители определенной культуры применяют большинство ее постулатов интуитивно, не осознают своих привычек и предпочтений, а воспринимают их как единственно возможные. В силу этого их картина мира не может быть выявлена через исследования на базе вопросов и ответов и должна анализироваться на основе систематических наблюдений за лингвистическими моделями [Whorf 1956: 252].

Картина мира - целостный, глобальный образ мира, который является результатом всей духовной активности человека, она возникает у человека в ходе всех его контактов с миром. Познавая мир, человек составляет свое представление о мире, то есть в его сознании возникает определенная «картина мира». Она включает в себя не только отраженные объекты, но и позицию отражающего субъекта. Так как возникновение картины мира тесно связано с языком и во многом определяется языком, ее называют «языковой картиной мира».

Языковая картина мира отражает национальную картину мира и может быть выявлена в языковых единицах разных уровней, поскольку язык - важнейший способ формирования и существования знаний человека о мире, то именно язык - важнейший объект исследования у когнитивистов. Совокупность этих знаний, запечатленных в языковой форме, представляет собой то, что в различных концепциях называется то как «языковая модель мира», то как «языковая картина мира», то как «языковая репрезентация мира».

Роль языка состоит не только в передаче сообщения, но, в первую очередь, во внутренней организации того, что подлежит сообщению. Возникает как бы «пространство знаний», то есть закрепленные в языке знания о мире, куда непременно вплетается национально культурный опыт. Формируется мир говорящих на данном языке, то есть языковая картина мира как совокупность знаний о мире, запечатленных в лексике, фразеологии, грамматике.

Язык - факт культуры; он составная часть культуры, которую мы наследуем, и одновременно ее орудие. Культура народа вербализуется в языке, именно язык аккумулирует ключевые концепты культуры, транслируя их в языковом воплощении - словах. Создаваемый образ объективного мира, она несет в себе черты человеческого способа миропостижения, то есть антропоцентризма, который пронизывает весь язык.

При изучении языковых единиц внимание фокусируется на языковой картине мира - особом концептуальном уровне сознания, единицы и структура которого обусловлены языком как формой, и приоритет отдается анализу протяженных синонимических рядов и объемных тематических групп.

Национальное своеобразие проявляется в разном отношении народов к одним и тем же явлениям. Эти особенности обусловлены интра- и экстралингвистическими факторами (историческими, культурно лингвистическими, религиозными, этническими).

Так, идея множества преломляется в сознании любого народа многогранно и неоднозначно. Она также реализуется в мощных синонимических рядах некоторых лексических единиц, отражающих специфику психической и социальной жизни общества определенной эпохи.

Синонимия - многоплановое явление с разнообразными связями с другими реальностями языка.

Сущность синонимии, синонимических отношений между словами издавна привлекала и привлекает внимание лингвистов, разрабатывающих проблемы семасиологии, поскольку решение проблем синонимии, тесно связано с антонимией и полисемией и ее изучение важно не только для семасиологии, но также и для лексикографии, литературоведения, методики преподавания языка. Несмотря на существование сравнительно большого числа исследований посвященных раскрытию различных сторон синонимии, до сих пор нет единства взглядов в отношении определения синонимов, методов их изучения, принципов выделения и классификации синонимов, границ синонимического ряда. Большинство ученых сходятся во мнении, что синонимия представляет собой частую микросхему языка, которая характеризуется своими собственными отношениями и тем, что входит в качестве составной части в лексическую систему языка в целом. Что же касается определения синонимии, то здесь не существует единства мнений: одни исследователи исходят из

общности значения слова, другие - из соотнесенности смыслового и предметно-лексического начала в слове, третьи - из общности структурной модели управления и одинаковой сочетаемости слов.

В своем исследовании, посвященном анализу семантических и функциональных связей слов и их синонимии в современном английском языке, В. Г. Вилюман подробно разбирает все признаки синонимии и приходит к выводу, что необходимыми и достаточными для признания слов синонимами являются общие этим словам семантические и функциональные признаки, а проблема синонимии сводится к выявлению на основе сочетаемости слов сходств и различий, схождений и расхождений в их значениях и функциях. Понимание сущности синонимических отношений тесно связано с пониманием сущности и структуры языкового значения слова. В. Г. Вилюман определяет семантическую структуру слова как набор семантических признаков, которые выявляются при установлении семантической смежности слов-синонимов. Два слова считаются семантически смежными друг другу, если дается их словарное истолкование одного через другое. Глубокому проникновению в сущности языковых явлений, их характера и законов развития способствует сопоставление этих явлений в двух и более языках. Проблемы сопоставительного изучения лексики в различных языках нашли отображения в работах А. В. Щербы, Р. А. Будагова, В. Г. Гака, Б. А. Успенского, В. Н. Ярцевой, Ш. Балли, С. Ульмана, У. Вейнриха и других лингвистов.

Таким образом, синонимами могут называться слова, которые обладают одинаковой сочетаемостью и, следовательно, взаимозаменяемы в определенных контекстах, или же, которые передают тождественные понятия и обладают сходством сочетаемости. Многие лингвисты ограничивают слова, близкие по значению от слов, которые соответствуют одному и тому же понятию. При таком понимании синонимов каждый синонимический ряд представляет собой группу слов, объединенных тождеством понятия, причем различия между синонимами касаются особенностей употребления, т.е. сочетаемости. Необходимо подчеркнуть, что слова, передающие одно и то же понятие, в своей содержательной структуре не равны друг другу, их семантические объемы не соответствуют доминанте ряда или членам ряда. Слова-синонимы образуют особый парадигматический ряд, основанный на характерном для языка вообще неравномерном распределении семантических признаков. Существование в языковой структуре двух или более слов, обозначающих одно понятие, оправдано наличием у них различных функций на парадигматической оси. Каждый из синонимов выражает отношение комплементарности, неполно и лишь с какой-то определенной стороны описывает денотат. На этом строится гипонимическая противопоставленность членов синонимического ряда. Значение одного синонима редко совпадает со значением другого синонима, хотя между ними и существует точка соприкосновения их семантических структур. С. Карцевский определил свойство языка выражать диспропорциональное соответствие плана содержания и плана выражения как «асимметричный дуализм языкового знака», когда более емкое содержание передается специфическими для того или иного языка способами, не представляющими однозначного соответствия содержательной структуре. Слово, как правило, обозначает не одно, а несколько явлений действительности и в силу этого насчитывает два и более смысловых конституанта. Наличие разных значений в семантике слова делает его отличным от его синонима. Самой важной особенностью лингвистического знака, подчеркивал С. Карцевский, является то, что он «непрерывно должен быть дифференциальным, иначе он ничем не будет отличаться от простого сигнала» [Яныгина 1981: 155].

Так, в английском языке слово *slay* «убивать» является синонимом слова *kill* с тем же значением, но оно употребляется только в книжном стиле, это более экспрессивная форма. Слова *smash* «разбивать вдребезги» и *crush* «давить» семантически близки и, употребляясь вместе, они усиливают описание, например, жестокости войны. Каждое слово того или иного языка имеет собственную историю, свою особенную мотивацию и свой определенный контекст. К тому же, каждое слово имеет скрытые возможности сочетаться с другими словами. Если два слова полностью совпадают в своем значении, то одно из них обязательно меняет свое значение, либо выпадает из языка. В результате развития языка в синонимическом ряду появляется синоним-доминант, слово с общим значением для всех слов синонимического ряда.

Так, слово *hope* «надежда», *expectation* «ожидание» имеют общее значение «иметь что-либо в сознании, что может случиться». *Expectation* может быть ожиданием хорошего либо плохого. *Anticipation*, как правило, - приятное ожидание. *Hope* - не только вера в то, что произойдет, но и желание этого. Стилистические различия также значительно. *Anticipation* и *expectation* являются словами книжного стиля, *hope* - стилистически нейтрально. Более того, они отличаются в их идиоматическом использовании. Только использование слова *hope* возможно в следующих устойчивых словосочетаниях: *to hope against hope* - «надеяться вопреки всему», *to lose hope* «терять надежду», *to pin one's hopes on* возлагать надежду на кого-либо». Таким образом, слово *hope* является синонимом - доминантной в данном синонимическом ряду.

Английский язык богат заимствованными синонимами, многие из которых вытесняли исконные синонимы. Большинство заимствованных синонимов употребляются вместе с исконными. Многие исконные синонимы сузили сферу своего употребления, так, слово *heaven* «небеса» стало употребляться только в религиозной сфере и поэзии, в то время как заимствованное скандинавское слово *sky* «небо» стало широко употребляемым. Французское слово *action* «действие» популярнее, чем английское слово *deed* с тем же значением. Многие синонимы возникли в результате изменения значений слов. Так возник синонимический ряд: *to throw* «бросать», *to cast* «бросать, швырять», *to hurl* «бросать, швырять». Все эти слова исконно английского происхождения, но они утратили эмоциональную окраску и теперь обозначают различные способы броска. *To throw* является синонимом-доминантом.

Для того чтобы иметь возможность дифференцировать какие-то значения, необходимо выявить в них общий компонент, т.е. дифференциация предполагает одновременно сходство и различие. Таким образом, основным условием существования синонимических отношений между словами является наличие у них понятийного тождества, на основании которого и возможна дифференциация слов-синонимов. Именно знание тонких дифференциальных «оттенков» значений синонимов свидетельствует о достаточно высоком уровне владения иностранным или родным языками, отличает человека с развитым языковым чувством.

Синонимия, как правило, исследуется на материале лексики; возможность же синонимии в других сферах языка (особенно в грамматике) обычно почти не учитывается. Между тем правильная интерпретация процессов синонимии в области грамматики важна не только для понимания особенностей языка в определенный момент его развития, но и для усиления причин конкретных изменений в строе языка на протяжении его истории.

Между синонимами в языке устанавливается определенная связь, объединяющая их в систему. Эта связь проявляется в ряде диахронических процессов (конкуренция синонимов и последующая дифференциация или исчезновение одного из них) и синхронических явлений (сосуществование взаимодополняющих синонимов, поддерживаемое наличием оттенков их значений, абсолютная грамматическая синонимия и др.). Так, возникновение абсолютных грамматических синонимов является признаком намечающегося разрушения, качественного изменения или (возможного) последующего отмирания какой-либо грамматической категории, в результате чего и происходит ее контаминация с другими формальными категориями. Одним из наиболее ярких примеров этого является разрушение форм двойственного числа в германских языках, в результате их полного функционального совпадения с формами множественного числа. Формы двойственного числа личных местоимений и соответствующих глагольных форм сохранились лишь в готском языке (только в 1-м и во 2-м лицах личных местоимений и глаголов); в других древних германских языках, письменные памятники, которых относятся к более позднему времени, чем готский, а также в последующие периоды развития этих языков дуалис совершенно вышел из употребления.

Так, синонимия как лексико-семантическое явление арабского литературного языка с древнейших времен была объектом интереса арабского языкознания. Большинство арабских авторов, древних и современных, положительно решавших вопрос о существовании синонимии и синонимов, определяли синонимы как разные по звучанию, но полностью совпадающие между собой по значению слова.

Старые лексикологи и лексикографы, тщательно регистрировавшие арабскую лексику, составляли длиннейшие списки слов-синонимов с тождественными, как они утверждали, значениями и с гордостью приводили впечатляющие цифры из области арабской синонимии. Так, во многих сочинениях упоминается, что для слова [асад] "лев" существует 350-500 синонимов, [ма] "вода" - 170, [джамал] "верблюд" - 500, [гасал] "мед" - 80 и т.д. В большей своей части перечисляемые в таких списках синонимы включают названия, обозначающие качества или признаки того или иного предмета или явления, названия вещей по происхождению, их переносные и метафорические наименования и т.п. Обозначение признака предмета вместо прямого его названия было характерным приемом в арабской поэзии как ведущем жанре литературного средневекового творчества. Постепенно название признака предмета могло стать названием самого предмета и в конце концов утратить свою образную структуру.

В историческом плане в арабском языке ряды равнозначных слов непрерывно расширились, происходила своеобразная семантическая ассимиляция в ходе взаимодействия диалектных лексических компонентов самого арабского языка. Средневековые языковеды считали, что один племенной диалект не может включать двух разных слов с тождественным значением и если в языке существуют два разных слова с одним значением, то это значит, что каждое из них принадлежит другому наречию. Таким образом, многие синонимические ряды, дошедшие до наших дней, созданы за счет лексики различных древнеаравийских диалектов, взаимопроникновения такой лексики и слияния ее в едином литературном словаре. К числу исконных синонимов относятся также многочисленные слова с транспозицией коренных, объединяемые тождеством значения, как [джазаба]-[джабаза] "тянуть", [катама] - [камата] "сдерживать (гнев)" и т.д. Транспозиция корневых объясняется в основном различием древних арабских наречий.

Существуют, на протяжении длительного периода времени и ряды синонимов, из которых один является исконным или давно ассимилированным словом, а другой - заимствованием. Упомянутые два фактора привели к тому, что многие растения, животные, птицы, рыбы, минералы и другие, имеют по два, три или четыре наименования.

Заметное место в пополнении арабского словаря синонимами занимают семантические изменения в истории языка, вследствие чего слова, далекие в своих значениях друг от друга, становятся синонимами для уже существующих. Например, к слову [мугджам] «словарь» добавляется равнозначное слово [каамуус] и т.д.

Арабский филолог Иззуддин ат-Танухи сетует, что изобилие в арабском литературном языке имен для обозначения одного обозначаемого вводит в смущение даже носителей языка: "начинающий теряется перед этим и не знает, которое из них взять и предпочесть в употреблении." Египетский лингвист Ибрагим Анис отмечает в одной из своих работ, что скопление синонимов заставляет думать о принудительном избавлении от некоторых из них.

Характерная особенность арабской синонимии - обилие синонимов с тождественными значениями, которые можно назвать абсолютными или, точнее, полными синонимами. Абсолютные синонимы - это разные

наименования, "из которых одно повторяет другое, ничего к нему не добавляя, ничего не оттеняя". Это семантически предельно идентичные слова, не имеющие объективных стилистических различий, которые в полном смысле слова являются эквивалентами, равнозначными словами.

Таким образом, синонимия - это лексическое средство языковой выразительности. Обилие синонимов считается свидетельством богатства и гибкости языка. Арабские филологи и писатели расценивают обилие синонимов в литературном языке (в противоположность диалектам, где синонимия редка) как положительное явление, как одно из преимущественных качеств, ставящих арабский язык выше других языков. Литературная речь бывает нередко перегружена синонимами. В разных жанрах арабской письменной речи особую роль играет двояние слов-синонимов. По мнению древнего филолога, "один из синонимов может оказаться яснее другого и быть объяснением другого, непонятного". В то же время отмечается, что в поэзии два разных имени в одном значении ставятся рядом для усиления и подтверждения. Современная арабская проза разных жанров (кроме, может быть, чисто информационных материалов), не говоря уже о поэзии, широко унаследовала двоянное употребление синонимов. Например: [татуир альинтадж уа танмиййатуху] "развитие производства" (буквально: развитие производства и его развитие), [истиглаал уа истисмаар альахарийн] "эксплуатация других" (буквально: эксплуатация и эксплуатация других) и т.д. Очевидно, синонимы в подобных случаях используются в стилистических целях для обеспечения ритма речи, что особенно характерно для отработанных стилей высокой публицистики, художественной прозы и поэзии, чтобы обеспечить большую выразительность текста.

Таким образом, менталитет любого лингво-культурного сообщества обусловлен в значительной степени его картиной мира, в которой репрезентировано миропонимание его членов.

Список использованной литературы

1. **Белкин В. М.** Арабская лексикология / В. М. Белкин. - М.: Изд-во Московского университета, 1975. - 200 с.
2. **Гранде Б. М.** Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении / Б. М. Гранде. - 2-е изд. - М.: РАН, 1998. - 592 с.
3. **Мингазова Н. Г.** Категория числа имен существительных в английском и арабском языках / Н. Г. Мингазова: Монография. - Казань: ТГГПУ, 2005. - 164 с.
4. **Яныгина О. И.** О лексической сочетаемости синонимов / О. И. Яныгина // Исследование сочетаемости слов и их функций в словосочетаниях: Сб. науч. трудов. - М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1981. - 163 с.
5. **Whorf B.** Language, Thought and Reality: Selected Writings of Benjamin Lee Whorf / Ed. and Introd. by I. B. Carroll. - New York: Wiley and Sons, 1956. - 278 p.

ЯЗЫК КАК СИСТЕМА (К ВОПРОСУ О СИСТЕМНОСТИ И АСИСТЕМНОСТИ В ЯЗЫКЕ)

Минина О. Г.

Сыктывкарский государственный университет

Проблема систематизации языковых единиц и явлений с целью наиболее полного понимания их сущности не нова. Такие попытки предпринимались еще во времена античности, когда эти единицы были выделены и названы. Тем не менее, шагнувшая вперед лингвистическая мысль накопила обширный фактологический материал, требующий своего осмысления.

Например, не совсем ясно, как рассматривать единицы типа *up*, *off* и т.д.: как морфемы или служебные слова (*to give up*, *to take off*), тем более, что некоторые из них могут выступать в различных функциях: *up-stairs* - префикс, *up in the mountains* - наречие, *to give up smoking* - ни то, ни другое. В последнем случае принято говорить о постпозитивах [Иванова и др. 1981], но они не входят ни в классификацию морфем, ни в классификацию частей речи [Кобрин и др. 2000]. На синтаксическом уровне существуют такие единицы, как, например, обращение, которое, формально входя в предложение, не является его членом. Термин «независимые элементы предложения» звучит не слишком убедительно, так как не понятно на каком основании наряду с зависимыми появились независимые элементы. Очевидно, целесообразнее допустить, что классификация типов синтаксической связи является не полной, или же такие единицы принадлежат не предложению, а более высокому уровню текста.

Возникает предположение о том, что существующие критерии классификации нуждаются в некоторой корректировке. Последняя должна осуществляться в направлении усложнения и учета различных факторов влияния и их интенсивности, поскольку язык в целом и отдельные языковые явления представляют собой сложнейшую многоуровневую и многофункциональную систему.

Существует более 40 определений систем. Наиболее широкоизвестным является следующее: Система - это совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях между собой и образующих определенную целостность и единство [Философский энциклоп. словарь 1986]. Несмотря на кажущуюся очевидность данного определения, оно порождает множество вариантов интерпретации системы. Так, например, П. Н. Калошин [Калошин 1995] считает системой кучу яблок, камней или зерна, и, согласно определению, он совершенно прав: целое - куча, взаимосвязи и отношения - сила тяжести, взаимное давление и трение. Тем не менее, мы вряд ли согласимся с такой интерпретацией. Очевидно, «целостность», «взаимосвязь» и «взаимоотношения» предполагает нечто иное.